
ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	15
1. ПОЛИТИКА ДОСТОИНСТВА	25
2. ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ДУШИ	36
3. ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ	50
4. ОТ ДОСТОИНСТВА К ДЕМОКРАТИИ	63
5. РЕВОЛЮЦИИ ДОСТОИНСТВА	68
6. ЭКСПРЕССИВНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ	77
7. НАЦИОНАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ	87
8. ОБРАЩЕНИЕ НЕ ПО АДРЕСУ	104
9. ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА	111
10. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ДОСТОИНСТВА	123
11. ОТ ИДЕНТИЧНОСТИ К ИДЕНТИЧНОСТЯМ	138
12. МЫ, НАРОД	159

13. ИСТОРИИ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ	177
14. ЧТО ДЕЛАТЬ?	203
ОБ АВТОРЕ	227
ПРИМЕЧАНИЯ	229
БИБЛИОГРАФИЯ	249

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Не конец, но венец

Как живет интеллектуал, который сам превратился в бренд, а его идея — в броский лозунг на глобальной авансцене? Надо полагать, нелегко. Остаться автором одного-единственного хита, вспоминая потом всю жизнь свои «15 минут славы», как-то обидно. Это, в конце концов, история не шоу-бизнеса, но мировой политической мысли. Удержаться же в потоке, особенно тогда, когда планета пребывает в фазе кардинальных перемен и многие концепты не переживают даже полного электорального цикла в ведущих странах, очень трудно.

Фрэнсису Фукуяме это удалось. С момента, когда летом 1989 г. в журнале *The National Interest* появилась знаменитая статья «Конец истории?» (через три года разросшаяся до книги), и до сих пор любое его выступление вызывает

повышенный интерес, порождает споры. Конечно, вершиной навсегда останется именно та публикация. Но все его творчество любопытно как хроника трансформации — от эйфории неожиданной победы Запада в холодной войне с появившимся чувством исторической правоты через осознание собственной мощи к ее кризису и отрезвлению.

Надо отдать должное Фукуяме — он адаптировал свои взгляды к меняющейся реальности, не цеплялся за мантры, если видел, что они не срабатывают. Так произошел его разрыв с неоконсерватизмом, одним из основателей современной версии которого он был в 1980-е и 1990-е гг. Автор не настаивал и на своей неоспоримой правоте насчет пресловутого «конца истории». Он, правда, не раз сетовал, что в широком обиходе идею вульгаризировали, превратив философические размышления о логике развития в прикладную агитку. Впрочем, это неизбежное следствие интеллектуального попадания в нерв — всякая идея, овладевшая массами и взятая на вооружение вождями, способна ужаснуть ее отца.

Издание, которое вы держите в руках, многие истолковали как окончательный отход Фукуямы от мировоззренческих позиций, изложенных в трудах конца 1980-х — начала 1990-х. Сам автор предувещивает, что книга не была бы написана, не победи Дональд Трамп на президентских выборах 2016 г. в США и не проголосуй британцы за несколько месяцев до того в пользу выхода из Евросоюза. Эти два события повсеместно расценивались как знаковые — после триумфа либеральной идеи в мировом масштабе она трещала и кренилась в странах, которые ее всегда олицетворяли. Политика идентичности, которой и посвящена новая книга Фукуямы, выглядит антиподом всем универсалистским общегуманитарным подходам, которые легли в основу «либерального порядка» с конца 80-х годов прошлого века.

И, объясняя, насколько сложна окружающая нас социально-политическая и ценностно-идейная среда, политический мыслитель, казалось бы, отрекается от собственных представлений тридцатилетней давности.

На деле, однако, это не так. «Идентичность» логически вытекает из «Конца истории и последнего человека», является второй частью диалогии (пока) о непрерывности бытия, которое в итоге все равно движется в предопределенном направлении.

«Конец истории» был книгой о цельности. Истории, идеологии, политико-экономического развития. Говоря более пафосно — о цельности помыслов и устремлений вопреки препонам и обстоятельствам. «Идентичность» — книга о раздробленности и фрагментации. Точнее — о тех самых препонах, которые норовят разрушить цельность. Но и в этом описании многообразия обстоятельств Фукуяма верен себе. Он пытается собрать в единую мозаику все разрозненные камушки, доказывая, что сама по себе либеральная идея — не плоская догма, а объемное и живое руководство к действию, инструкция по преодолению трудностей на пути к светлому будущему.

Отсюда отличительные особенности этой книги. Во-первых, ее вывод намного менее оригинален, чем само повествование. Фукуяма подробно и обстоятельно разбирает, почему прекрасные намерения построить либеральный мир не осуществились. А потом заключает, что ничего, кроме либерального мира, прогресс человечества все равно не обещает, так что необходимо учесть ошибки и продолжить двигаться вперед. Во-вторых, автор стремится подтвердить мысль о том, что ход истории все же линеен и имеет если не финальную точку назначения, то как минимум направление. И для этого он собирает воедино очень много очень разных аргументов из различных школ мысли. Сократ и Платон,

Мартин Лютер и Мартин Лютер Кинг, Руссо, Гегель, Гоббс и Ницше, Маркс и современные адепты психотерапии — далеко не полный список интеллектуальных гуру, призванных Фукуямой для того, чтобы объяснить сегодняшние проблемы западного мира. Это зачастую сбивает с толку некоторой избыточностью и невыстроенностью, но автор, видимо, идет на такое сознательно — чем мельче элементы мозаики, тем красочнее и реалистичнее должно получиться итоговое изображение. В-третьих, Фукуяма остается предельно западноцентричным. Книга изобилует примерами из самых разных культур и форм государственного устройства. Но задача одна — оттенить и объяснить развитие именно Запада как венца общественно-политического творения.

Главная мысль «Идентичности» кажется вполне очевидной, но знаменует собой революционное мировоззренческое изменение по сравнению с «Концом истории» — экономический детерминизм, заложенный в основу либеральной глобализации конца XX в., не в состоянии охватить всю сложность человеческой натуры и, как следствие, социального устройства. Достоинство и тяга людей к признанию являются факторами если и не материальными, то решающими для эффективной работы общественного механизма, будь то в странах арабского Востока и Юго-Восточной Азии или в Соединенных Штатах и Скандинавии. Неолиберальные ожидания того, что сама по себе возможность обогащаться и удовлетворять свои потребности сведет на нет все внутренние терзания человека, не оправдались. И дело не столько в порождаемом капитализмом неравенстве, сколько в отвержении технократического эконометрического подхода как такового. Фукуяма вообще, надо отметить, очень сильно полевел со времени «Конца истории». Не в классическом марксистском одобрении перераспределения, а в плане необходимости «работать» с человеком

и учитывать его желания помимо стремления к личному благосостоянию.

Фрэнсис Фукуяма ставит перед собой гигантскую задачу: доказать, что права личности, лежащие в основе либеральной идеи, могут не только вести к индивидуалистическому дроблению обществ, но и, напротив, создавать основу для социальной консолидации. Просто из истории становления либеральной демократии нужно извлечь и другие компоненты, обогатить ее менее догматическим пониманием, которое, признает Фукуяма, очень навредило на последнем этапе. Некоторым образом «Идентичность» — это современный либеральный вариант известной работы Ленина «Три источника, три составные части марксизма». Фукуяма призывает видеть в либеральной демократии намного более сложный синтез идей, чем принято. Подобное, с одной стороны, объясняет сложности, с которыми сталкивается либерально-демократический проект при его практической реализации. С другой — позволяет эти самые сложности преодолеть.

Для отечественного читателя, который привык к критике либерализма в его международно-политическом проявлении («либеральный мировой порядок», на деле представляющий собой доминирование Соединенных Штатов), в книге явно не хватает этого аспекта. Призывы Фукуямы учитывать многообразие обществ, различие культур и чутко относиться к достоинству тех, кто считает его уязвленным, можно было бы легко экстраполировать на «глобальное общество». Однако так далеко автор не идет, поскольку основная идея «Конца истории» о том, что западная либеральная демократия все равно является светлым будущим человечества, спустя 30 лет по-прежнему для него актуальна. Правда, перспективы наступления этого будущего несколько откладываются, но это задержка рейса, а не его

отмена. «Политический порядок как внутри страны, так и на международном уровне будет зависеть от сохранения либеральных демократий, обеспечивающих “правильный” тип инклюзивной национальной идентичности».

Фукуяма — один из наиболее часто поминаемых в России представителей западного интеллектуального сообщества. Мало кто читал «Конец истории?», но сама метафора и здесь прочно прилепилась к публичным дискуссиям. Тридцать лет после «Конца истории?» Россия прожила по-своему. Для Запада все начиналось с триумфа, а заканчивается растерянностью. У нас в начале был обвал, потом попытка встроиться в тот самый либеральный порядок «как внутри страны, так и на международном уровне», затем наступил период его решительного, как казалось, отвержения; наконец, по мере его общего кризиса, пришло время для раздумий. Показательно, что тема либерализма внезапно вышла в России на самый верхний политический уровень — свои оценки этой философии высказал сам президент. Либеральная идея в российском дискурсе еще более инструментальна, чем в остальном мире, — это ярлык, щедро навешиваемый во внутренних разбирательствах стиля «ты меня уважаешь?» или «а ты кто такой?». По степени интеллектуальной поляризации Россия, пожалуй, пока что сильно уступает Америке при Трампе, однако приметы этого явления множатся.

Сильная сторона российской идейно-политической действительности — отсутствие заикленности и догматизма, которые свойственны нынешним западным обществам, особенно их правящим группам. Но здесь же коренится и проблема — поверхностность всякой идеологической дискуссии, которая неизменно преследует какие-то очень конкретные прикладные цели, но не призвана что-то понять о будущем развитии страны. В итоге под шелест меняющихся смысловых «оберток» проводится все более

технократическая линия, зачастую просто в форме текущего кризис-менеджмента. Кстати, нашему управленческому классу, особенно той его части, которая отвечает за макроэкономическую стабильность и размышляет о реформах, было бы очень полезно прочитать эту книгу, в которой самый видный представитель либеральной мысли страстно призывает видеть за цифрами человека. У нас получается не всегда. И это тоже следствие сугубой реактивности курса, фиксированности на сиюминутных показателях.

Отчасти это неизбежно в условиях постоянных «качелей», всеобщего смятения и смены вех. Однако последняя по времени книга Фрэнсиса Фукуямы важна как раз тем, что заставляет задуматься об изъянах схематической политики, попыток свести многогранную реальность к неизменному шаблону. Вне зависимости от того, какой именно это шаблон — марксистский, либеральный, консервативный или какой-либо еще.

*Федор Лукьянов, главный редактор журнала
«Россия в глобальной политике»*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга не была бы написана, не стань Дональд Трамп президентом США в ноябре 2016 г. Как и многие американцы, я был удивлен таким исходом и обеспокоен его последствиями для Соединенных Штатов и всего мира. В июне того же года другое общенародное голосование — референдум в Великобритании о выходе из Европейского союза — также принесло совершенно неожиданный результат.

Последние пару десятков лет я много размышлял о развитии современных политических институтов: как возникли государство, верховенство права и демократическая подотчетность, как они развивались и взаимодействовали и, наконец, как они могут прийти в упадок. Задолго до избрания Трампа я писал, что институты в США разрушаются, поскольку господство в стране захватывают мощные группы влияния, а само государство превращается в косную структуру, неспособную к самообновлению*.

* Отсылка к статье автора “America in Decay. The Sources of Political Dysfunction” в журнале *Foreign Affairs*, 93 (5), 2014, September–October. — Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. пер.

Трамп есть и продукт такого разрушения, и его агент. Его политический взлет связан с надеждами на то, что он использует мандат доверия, врученный ему народом, чтобы встряхнуть систему и вернуть ей эффективность. Американцы устали от бессмысленного противостояния партий, обернувшегося политическим застоем. Они изголодались по сильному лидеру, способному вновь объединить страну, положив конец ветократии — возможности групп влияния блокировать общественную инициативу. Подобный всплеск популизма привел в 1932 г. в Белый дом Франклина Рузвельта и преобразил американскую политику на два поколения вперед.

Проблема с Трампом оказалась двоякой, связанной как с его политикой, так и с особенностями личности. Его экономический национализм может скорее ухудшить, чем улучшить положение его сторонников, в то время как очевидное увлечение авторитарными «сильными личностями» в ущерб демократическим союзникам способно дестабилизировать международный порядок. Что же касается личных качеств, то трудно представить человека, менее подходящего для того, чтобы быть президентом Соединенных Штатов. Добродетели, которые ассоциируются с образом выдающегося государственного лидера, — элементарная честность, надежность, рассудительность, преданность общественным интересам и морально-нравственный стержень, — у него полностью отсутствуют. На протяжении всей карьеры Трамп был озабочен исключительно саморекламой и никогда не останавливался перед тем, чтобы пройти по головам или обойти правила, стоявшие на его пути, не гнушаясь никаким средствами.

Трамп олицетворяет общую тенденцию международной политики — наступление так называемого популистского национализма¹. Лидеры-популисты стремятся использовать

легитимность, полученную через демократические выборы, для консолидации власти. Они утверждают, что имеют прямую харизматическую связь с «народом», который часто определяется в узких этнических терминах, исключающих значительную часть населения. Они не любят институты и стремятся подорвать систему сдержек и противовесов, ограничивающую личную власть лидера в современной либеральной демократии: суды, систему законодательной власти, независимые СМИ и «аполитичный», внепартийный чиновничий аппарат. Современными лидерами такого типа можно считать и Владимира Путина в России, и Реджепа Эрдогана в Турции, и Виктора Орбана в Венгрии, и Ярослава Качиньского в Польше, и Родриго Дутерте на Филиппинах.

Глобальное движение к демократии, начавшееся в середине 1970-х, привело к тому, что мой коллега Ларри Даймонд назвал «глобальная рецессия»². В 1970 г. существовало лишь около 35 электоральных демократий. За следующие 30 лет их число постепенно росло, пока в начале XXI в. не достигло почти 120. Наибольший рост пришелся на 1989–1991 гг., когда крах коммунизма в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе вызвал волну демократизации во всем регионе. Однако с середины 2000-х тенденция обратилась вспять и число демократий сократилось. Авторитарные страны — и прежде всего Китай — в это время обрели уверенность и стали более напористыми.

Неудивительно, что создание работоспособных институтов в новых «потенциальных демократиях», таких как Тунис, Украина и Мьянма, идет с огромным трудом. Неудивительно также, что либеральная демократия не прижилась в Афганистане или Ираке после вторжения США в эти страны. Возвращение России к авторитарным традициям вызывает скорее разочарование, чем удивление.

Гораздо более неожиданными стали угрозы демократии, исходящие из, казалось бы, уже устоявшихся демократических государств. Венгрия одной из первых в Восточной Европе свергла коммунистический режим. Когда она вступила в НАТО и Европейский союз, возникло ощущение, что страна вернулась в Европу в качестве «консолидированной», по выражению политологов, либеральной демократии. Тем не менее под руководством Орбана и его партии «Фидес»^{*} Венгрия возглавила движение к тому, что Орбан назвал «нелиберальная демократия»^{**}. Но гораздо большим сюрпризом стало голосование за Brexit в Великобритании и за Трампа в США.

Эти две ведущие демократии были архитекторами современного либерального международного порядка, возглавившими под руководством Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер «неолиберальную революцию» в 1980-х гг. Однако они сами, похоже, свернули в сторону куда более примитивного национализма.

Это возвращает меня к истокам появления этой книги. С тех пор как в середине 1989 г. вышла моя статья «Конец истории?» и в 1992 г. книга «Конец истории и последний человек»³, меня постоянно спрашивают, не опровергает ли мои тезисы то или иное явление. Это может быть переворот в Перу, война на Балканах, террористические атаки 11 сентября, мировой финансовый кризис или, в самое последнее время, выборы Дональда Трампа или описанная выше волна популистского национализма.

Большинство критических замечаний основаны на простом непонимании и неверной интерпретации моих идей.

^{*} Fidesz — аббревиатура от Fiatal Demokraták Szövetsége, «Союз молодых демократов».

^{**} Строго говоря, термин «нелиберальная демократия» (illiberal democracy) ввел в оборот Фарид Закария (Fareed Zakaria) в статье «The Rise of Illiberal Democracy», опубликованной в журнале *Foreign Affairs* в 1997 г.

Я использовал слово «история» в гегелевско-марксистском смысле, то есть как долгосрочную эволюцию человеческих институтов, которую иначе можно назвать *развитием* или *модернизацией*. Слово «конец» (end) подразумевало не «прекращение», но «конечную цель»*. Карл Маркс предполагал, что концом истории будет коммунистическая утопия. Я же просто предположил, что версия Гегеля, в которой развитие институтов приводит к формированию либерального государства, связанного с рыночной экономикой, является более вероятным итогом⁴.

Это не значит, что за эти годы мои взгляды не изменились. Самое полное их переосмысление я смог изложить в книгах «Государственный порядок» и «Угасание государственного порядка», которые в совокупности можно понимать как попытку переписать «Конец истории и последний человек» на основе того, что я понимаю под мировой политикой сейчас⁵. Главные изменения, к которым я пришел, касаются, во-первых, сложности развития современного, обезличенного государства — проблемы, которую я назвал «равняться на Данию»**, и, во-вторых, возможности разложения современной либеральной демократии или ее регресса.

Однако критики упустили еще один момент. Они не заметили, что в конце названия первоначального эссе стоял вопросительный знак, и не прочитали более поздние главы «Конца истории», посвященные проблеме последнего человека Ницше.

* Игнорирование переводчиками этого значения английского слова *end* (например, *ends and means* — «цели и средства») — источник множества конфузов самого разного уровня.

** «Дания» из «Государственного порядка» Фукуямы — это некий символ, реальная и в то же время образная страна, равняться на которую (*getting to Denmark*) стремятся почти все другие страны. В «Дании» — справедливая правоохранительная система, низкая коррупция, высокий уровень благосостояния, эффективные институты и т. д. Правда, «попасть в Данию» (так тоже можно перевести фразу Фукуямы) удастся далеко не всем.

И в эссе, и в этих главах я отмечал, что и национализм, и религия по-прежнему представляют мировые политические силы и не собираются исчезать. Они не собираются исчезать потому, что, как я утверждал тогда, современные либеральные демократии не сумели полностью разрешить проблему *тимоса*. Тимос — это та часть души, которая страстно жаждет признания и уважения человеческого достоинства*; *изотимия* — это требование уважения наравне с другими людьми; а *мегалотимия* — это стремление к публичному признанию своей исключительности. Современные либеральные демократии обещают и в значительной степени обеспечивают минимальную степень равного уважения, воплощенную в правах личности, верховенстве закона и избирательном праве. Но это не гарантирует того, что при демократии людей действительно будут уважать в равной степени, особенно представителей исторически маргинализованных групп. Целые страны могут ощущать недостаток уважения, что подпитывает в них агрессивный национализм (подобным же образом верующие полагают, что их религиозные чувства оскорблены). Изотимия будет и впредь разжигать жажду равного с окружающими признания, которая вряд ли когда-либо будет полностью удовлетворена.

Не менее серьезная проблема связана и с мегалотимией. Либеральные демократии добились неплохих результатов в обеспечении мира и процветания (хотя в последние годы дела с этим обстоят несколько хуже). Эти богатые, безопасные общества — обитель последнего человека Ницше, они населены «бесчувственными людьми»**, которые проводят жизнь в бесконечной погоне за потребительским

* Тимос (греч.) — «яростный дух стражей» в «Государстве» Платона.

** Бесчувственные люди (men without chests) — отсылка к термину британского писателя Клайва Льюиса (известного широкой публике по циклу фэнтези о Нарнии). Так («Человек бесчувственный») называется первая глава книги Льюиса «Человек отменяется» в переводе Н. Трауберг. В российском

удовлетворением. У них нет никакой нравственной основы, нет высших целей или идеалов, ради которых стоит дерзать и идти на жертвы. Такая жизнь устраивает не всех. Мегалотимия подпитывается жаждой исключительности: люди готовы идти на огромные риски, ввязываться в судьбоносное противостояние, добиваться колоссальных результатов, лишь бы окружающие признали их превосходство. В некоторых случаях это способствует формированию героических лидеров, подобных Линкольну, Черчиллю или Нельсону Манделе. В других — может привести к появлению таких тиранов, как Цезарь, Гитлер или Мао, диктатура которых ввергала ведомые ими общества в пучину бедствий.

Поскольку мегалотимия исторически существовала во всех обществах, ее нельзя преодолеть; ее можно лишь направить или смягчить. В заключительной главе книги «Конец истории и последний человек» я поднял вопрос о том, обеспечит ли современная либеральная демократия, связанная с рыночной экономикой, адекватный выход для мегалотимии. Эту проблему отчетливо понимали американские отцы-основатели, стремившиеся создать республику в Северной Америке. Они были прекрасно осведомлены об истории падения Римской республики и обеспокоены проблемой цезаризма. Для ее решения они создали конституционную систему сдержек и противовесов, которая распределяла власть и блокировала ее концентрацию в руках одного политического лидера. Еще в 1992 г. я предположил, что возможности для «безопасного» проявления мегалотимии открывает рыночная экономика. Предприниматель может стать сказочно богатым и в то же время вносить лепту в общее процветание. Стремящиеся к общественному признанию люди могут реализовать амбиции,

издании книги Ф. Фукуямы «Конец истории» это выражение перевели дословно — «люди без груди», не пытаясь передать смысл.

участвуя в состязаниях по триатлону в серии Ironman, устанавливая рекорды по числу покоренных вершин в Гималаях — или создавая самую дорогостоящую в мире интернет-компанию.

Я, кстати, упомянул Дональда Трампа в «Конце истории» как пример фантастически амбициозного человека, чье стремление к признанию было безопасно вложено в бизнес (а позднее — в карьеру в индустрии развлечений). Тогда я и не подозревал, что четверть века спустя он, не удовлетворившись своими достижениями на ниве бизнеса и лаврами телезвезды, пойдет в политику и будет избран президентом. Однако это вовсе не противоречит моему общему утверждению о потенциальных угрозах либеральной демократии и центральной проблеме тимоса в либеральном обществе⁶. Такие фигуры прошлого, как Цезарь, Гитлер или Перон, которые ради собственного возвышения эксплуатировали обиды и негодование простых людей, считавших, что их нация, религия или образ жизни не уважается, привели свои общества к катастрофическим войнам или экономическому упадку. В этих случаях мегалотимия и изотимия шли рука об руку.

В этой книге я возвращаюсь к темам, к которым обращался в 1992 г. и о которых с тех пор пишу: тимос, признание, достоинство, идентичность, иммиграция, национализм, религия и культура. В нее, в частности, вошла лекция памяти Сеймура Липсета об иммиграции и идентичности, которую я прочел в 2005 г., и лекция об иммиграции и европейской идентичности для Фонда Лациса, которую я прочел в Женеве в 2011 г.⁷ Иногда я в том или ином виде воспроизвожу отрывки из предыдущих произведений. Прошу прощения, если кому-то покажется, что я повторяюсь, но я вполне уверен, что лишь немногие потратили время на то, чтобы следить за развитием именно этой

мысли и пытались разглядеть в этом развитии логичную систему доводов, связанную с событиями настоящего времени.

Требование признания и уважения своей идентичности — это универсальное понятие, которое охватывает многое из того, что происходит сегодня в мировой политике. Оно не ограничивается политикой идентичности, практикуемой в университетских кампусах, или спровоцированным ею белым национализмом, но распространяется на более масштабные явления, такие как всплеск старомодного национализма и политизация ислама. Я бы даже рискнул утверждать, что изрядная часть так называемой экономической мотивации зиждется на стремлении к признанию и поэтому не может быть удовлетворена только экономическими средствами. Это имеет прямое отношение к вопросу о том, что нам делать с сегодняшним популизмом.

По Гегелю, движущей силой истории человечества является борьба за признание. Он утверждал, что единственным рациональным решением проблемы стремления к признанию станет всеобщее признание, в рамках которого признается и уважается достоинство каждого человека. С тех пор всеобщее признание оспаривается как другими формами исключительного группового признания — на основе национальности, религии, секты, расы, этнической принадлежности или пола, — так и индивидами, требующими признания своего превосходства над остальными. Все более активная политизация проблемы идентичности представляет одну из главных угроз для современных либеральных демократий, и, если мы не сможем вернуться к более общему пониманию человеческого достоинства, мы обречем себя на продолжение конфликта.

Я бы хотел поблагодарить за комментарии к рукописи этой книги нескольких друзей и коллег: Шери Берман, Герхарда Каспера, Патрика Шаморела, Марка Кордовера,

Кэтрин Крамер, Ларри Даймонда, Боба Фолкнера, Джима Фирона, Дэвида Фукуяму, Сэма Гилла, Анну Гризмала-Буссе, Маргарет Леви, Марка Лилла, Кейт Макнамару, Яшу Моунка, Марка Платтнера, Ли Росса, Сьюзан Шелл, Стива Стедмена и Кэтрин Стоунер. Особая благодарность — Эрику Чински, моему редактору в издательстве Farrar, Straus and Giroux, который без усталы работал уже с несколькими моими книгами. Его чувство логики и языка и его обширные знания по существу вопросов, которым посвящена книга, принесли ей огромную пользу. Кроме того, я очень благодарен за поддержку, которую Эндрю Франклин из Profile Books оказал при работе над этим и над предыдущими изданиями.

Как обычно, я приношу благодарность моим литературным агентам — Эстер Ньюберг из International Creative Management и Софи Бейкер из Curtis Brown, так же как и всем тем, кто поддерживал их. Они проделали огромную работу для издания моей книги в США и по всему миру.

Также я хотел бы поблагодарить моих научных ассистентов и референтов Ану Эрджайлс, Эрика Гиллиама, Рассела Клэриду и Николь Саутхард, помощь которых при поиске фундаментальных материалов для книги была неоценимой.

Я благодарен за поддержку своей семье и особенно моей жене Лауре, ставшей внимательным читателем и критиком всех моих книг.

*Пало-Альто и Кармел-бай-те-Си,
Калифорния*

1

ПОЛИТИКА ДОСТОИНСТВА

Примерно в середине второго десятилетия XXI в. мировая политика изменилась коренным образом.

С начала 1970-х до середины 2000-х гг. в результате процессов, названных Сэмюэлом Хантингтоном третьей волной демократизации, число стран, которые можно отнести к электоральным демократиям, увеличилось с приблизительно 35 до более 110. В этот период либеральная демократия стала для большей части мира стандартной формой правления — если не на практике, то по крайней мере в потенции¹.

Параллельно с кардинальным изменением политических институтов росла экономическая взаимозависимость между странами — то, что мы называем глобализацией. Основу ее составили такие либеральные экономические структуры, как Генеральное соглашение по тарифам и торговле и пришедшая ему на смену Всемирная торговая организация. Их дополнили региональные торговые институты, такие как Европейский союз и Североамериканское

соглашение о свободной торговле. В тот период темпы роста международной торговли и инвестиций опережали темпы роста мирового ВВП и считались основной движущей силой процветания. С 1970 по 2008 г. мировое производство товаров и услуг увеличилось в четыре раза, рост шел практически во всех регионах мира, а число людей, живущих в условиях крайней нищеты в развивающихся странах, сократилось с 42% от общей численности населения в 1993 г. до 17% в 2011 г. Доля детей, не доживавших до пяти лет, упала с 22% в 1960 г. до менее 5% к 2016 г.²

Однако либеральный мировой порядок не стал благом для всех. Во многих странах мира, и особенно в государствах с развитой демократией, резко увеличилось неравенство; преимущества, которые обеспечивал экономический рост, главным образом доставались элите, принадлежность к которой определял прежде всего уровень образования³. Увеличение объема товаров и денег, а также массовые переезды, связанные с экономическим ростом, вызвали деструктивные социальные изменения. Деревенские жители развивающихся стран, прежде не имевшие доступа к электричеству, вдруг оказались в крупных городах, перед экранами телевизоров или в интернете, подключаясь к Всемирной сети через вездесущие мобильные телефоны. Рынки труда адаптировались к новым условиям — десятки миллионов людей пересекали границы в поисках лучшей доли для себя и своих семей или просто из-за невыносимых условий жизни в собственной стране. Огромный средний класс, сформировавшийся в Китае, Индии и других странах, вытеснял с привычных рабочих мест представителей среднего класса развитых государств. Производства неуклонно перемещались из Европы и Соединенных Штатов в Восточную Азию и другие регионы с низкой стоимостью рабочей силы. Женщины выдавливали мужчин из экономики, где

сфера услуг уверенно доминировала над остальными отраслями, а низкоквалифицированных работников заменяли «умные» машины.

Начиная с середины 2000-х гг. движение ко все более открытому и либеральному миропорядку замедлилось, а затем обратилось вспять. Эта смена курса совпала с двумя финансовыми кризисами, первый из которых начался на американском рынке субстандартных* ипотечных кредитов в 2008 г. и привел к Великой рецессии, а второй — угрожавший евро и всему Европейскому союзу — был спровоцирован банкротством Греции. В обоих случаях политика элит привела к резким спадам, высокому уровню безработицы и снижению доходов миллионов обычных людей во всем мире. Поскольку Соединенные Штаты и ЕС были лидерами и образцами для либерального мира, эти кризисы нанесли ущерб репутации либеральной демократии в целом.

Исследователь демократии Ларри Даймонд назвал посткризисные годы, когда практически во всех регионах мира общее число демократий уменьшилось по сравнению с пиковыми значениями, периодом демократической рецессии⁴. Ряд авторитарных стран — прежде всего, Китай и Россия — стали гораздо более уверенными и напористыми. Китай начал пропагандировать «китайскую модель» — откровенно недемократический путь к развитию и благосостоянию. Россия же открыто противопоставила себя «либеральному декадансу» Европейского союза и Соединенных Штатов. Некоторые государства — Венгрия, Турция, Таиланд и Польша, казавшиеся успешными либеральными демократиями в 1990-х гг., откатились назад, к более авторитарному правлению. «Арабская весна» 2011 г., разрушив диктатуры на Ближнем Востоке, вдребезги разбила надежды

* Субстандартный ипотечный кредит может быть выдан заемщику с ненадежной или короткой кредитной историей. — *Прим. науч. ред.*

на торжество демократии в этом регионе, когда Ливия, Йемен, Ирак и Сирия погрязли в гражданских войнах. Американское вторжение в Афганистан и Ирак не остановило волну терроризма, воплотившуюся в терактах 11 сентября. Скорее, она мутировала в «Исламское государство»*, ставшее путеводной звездой для непримиримых антилиберальных воинствующих исламистов во всем мире. Живучесть ИГИЛ — столь же примечательная примета времени, как и готовность многих молодых мусульман оставить сравнительно безопасную жизнь в других регионах Ближнего Востока и Европы ради того, чтобы отправиться в Сирию и сражаться в рядах исламских фундаменталистов.

Еще более удивительными и, возможно, более значимыми были два неожиданных исхода общенациональных голосований в 2016 г. — референдума в Великобритании о выходе из Европейского союза и избрание Дональда Трампа президентом Соединенных Штатов. В обоих случаях сказалась тревога избирателей, вызванная экономическими проблемами, затронувшими в основном рабочий класс, столкнувшийся с потерей рабочих мест и последствиями деиндустриализации. Не менее важными оказались антииммигрантские настроения, подпитываемые непрекращающимся притоком иммигрантов: сложилось устойчивое представление о том, что иммигранты лишают местное население работы и разрушают устои национальной культуры. Антииммигрантские партии и партии евроскептиков набирают силу во многих развитых странах: в первых рядах — «Национальный фронт» во Франции, «Партия свободы» в Нидерландах, «Альтернатива для Германии» и «Австрийская партия свободы». Вся Европа охвачена страхом перед исламистским терроризмом и сварам по поводу запретов

* Организация, запрещенная в России. — *Прим. ред.*

на выражение мусульманской идентичности — ношения паранджи, никаба или буркини.

Основой политики XX в. было противостояние левых и правых, разворачивавшееся вокруг экономических вопросов: левые выступали за большее равенство, а правые требовали большей свободы. Прогрессистские политические силы отстаивали интересы трудящихся, защищали профсоюзы, формируя социал-демократические партии, требовавшие более качественной социальной защиты и более справедливого — с их точки зрения — распределения экономических благ. Правые, наоборот, выступали за снижение участия правительства в экономике и за права частного сектора. Во втором десятилетии XXI в. на место этого противостояния, как представляется, выходит конфликт, связанный с определением идентичности. Левых гораздо меньше занимают вопросы общего экономического неравенства — теперь они скорее заняты защитой прав широкого круга групп, считающихся маргинализированными: чернокожих, иммигрантов, женщин, латиноамериканцев, ЛГБТ-сообщества, беженцев и т. п. А правые между тем переосмысливают себя как патриотов, которые стремятся защитить традиционную национальную идентичность, зачастую прямо связанную с расовой, этнической или религиозной принадлежностью.

Традиционно, по крайней мере начиная с Маркса, политическая мысль определяла политическую борьбу как воплощение экономических противоречий — по сути, как конфликт за кусок пирога. Этот конфликт и вправду стал частью истории 2010-х гг., когда глобализация обделила множество людей плодами общемирового экономического роста. С 2000 по 2016 г. реальные доходы выросли лишь у половины американцев; часть совокупного национального производства, приходившаяся на долю 1% населения США, выросла с 9% от ВВП в 1974 г. до 24% в 2008 г.⁵

Но какими бы важными ни были материальные интересы, люди руководствуются и другими мотивами. И эти мотивы лучше объясняют нынешний хаос. То, с чем мы столкнулись сегодня, можно назвать политикой ресентимента. Известно множество примеров, когда тот или иной политический лидер мобилизовал последователей, эксплуатируя их групповые обиды, чувство унижения или подозрение, что ими пренебрегают или что их недооценивают. Комплекс этих ощущений, называемый ресентиментом*, требует публичного восстановления поправленного достоинства такой группы. Эмоциональное воздействие, которое способна оказать на общество униженная группа, добивающаяся восстановления чести и достоинства, может быть гораздо сильнее влияния людей, просто преследующих экономическую выгоду.

На этом играет президент России Владимир Путин, говоря о трагедии распада Советского Союза и о том, как Европа и Соединенные Штаты воспользовались слабостью России в 1990-х гг., чтобы расширить НАТО на Восток, до ее границ. Ему претит чувство морального превосходства, которое демонстрируют западные политики. Он хочет, чтобы к России относились не как к слабому региональному игроку (как некогда обронил президент Обама), а как к великой державе. В 2017 г. венгерский премьер Виктор Орбан заявил, что его возвращение во власть в 2010 г. ознаменовало момент, когда «мы, венгры, тоже решили, что хотим вернуть нашу страну, хотим вернуть себе самоуважение и вернуть свое будущее»⁶. Правительство Си Цзиньпина пространно описывает «сто лет унижения» Китая и то, как Соединенные Штаты, Япония и другие страны пытались помешать Китаю обрести статус великой державы, который

* Понятие ресентимента ввел в оборот Фридрих Ницше. Первым из российских философов к нему обратился Николай Бердяев.

принадлежал ему тысячелетиями. По воспоминаниям матери основателя «Аль-Каиды»* Усамы бен Ладена, в четырнадцать лет тот заикнулся на событиях в Палестине, «он в слезах смотрел телевизор в родительском доме в Саудовской Аравии»⁷. Позже гнев Усамы за унижение мусульман эхом отозвался в стремлении его молодых единоверцев сражаться в Сирии во имя ислама, который, по их мнению, подвергался поруганию и угнетению во всем мире. Они надеялись воссоздать в «Исламском государстве» славу ранней исламской цивилизации.

Ресентимент в демократических странах оказался не менее мощной силой. После громких историй об убийствах полицией афроамериканцев в Фергюсоне (штат Миссури), Балтиморе, Нью-Йорке и других городах в США возникло движение «Жизни чернокожих тоже важны» («Black Lives Matter»). Его активисты стремились заставить окружающий мир обратить внимание на страдания жертв полицейского насилия, представлявшего уже обыденным. Сексуальное насилие и сексуальные домогательства в университетских кампусах и офисах по всей стране стали доказательством того, что мужчины не готовы всерьез воспринимать женщин как равных. В центр общественного внимания внезапно попали трансгендеры, отношение к которым прежде не считалось особым видом дискриминации. И многие из тех, кто голосовал за Дональда Трампа, надеясь «вернуть Америке былое величие», помнили прежние — лучшие — времена, когда их положение в собственных сообществах было более надежным. Настроения путинских сторонников в чем-то схожи с раздражением избирателей из сельских районов США. Негодование первых по поводу высокомерия и презрения западных элит по отношению к России тождественно

* Организация, запрещенная в России. — *Прим. ред.*

возмущению вторых безразличием городских элит обоих побережий США и их медиасоюзников к проблемам американской глубинки.

Адепты политики ресентимента признают друг друга. Взаимная приязнь Владимира Путина и Дональда Трампа основана не только на сходстве характеров, она коренится в общем для них национализме. Виктор Орбан объяснил: «Некоторые теории описывают происходящие ныне в западном мире изменения и появление на сцене американского президента [Трампа] как борьбу на мировой политической арене между транснациональной, так называемой “глобальной”, элитой и патриотической национальной элитой», одним из ярких представителей которой он и является⁸.

Во всех случаях группа — будь то великая держава, такая как Россия или Китай, или избиратели в США или Великобритании — считает, что обладает идентичностью, которая не получает адекватного признания — со стороны внешнего мира, когда речь идет о нации, или со стороны других членов своего общества. Такие идентичности могут быть — и остаются — невероятно разнообразными в зависимости от принадлежности к той или иной нации или государству, тем или иным религиозным убеждениям, в зависимости от этнической принадлежности, сексуальной ориентации или пола. Все они являются проявлениями общего феномена — политики идентичности.

Термины *идентичность* и *политика идентичности* имеют сравнительно недавнее происхождение. Первый из них популяризовал психолог Эрик Эриксон в 1950-х гг., а второй получил распространение в культурной политике 1980-х и 1990-х гг. Понятие «идентичность» сегодня трактуется очень широко и разнообразно: в одних случаях она имеет отношение только к социальным категориям или

ролям, в других — к фундаментальной личной информации (как в ситуации кражи личности/идентичности). В таком контексте идентичности существовали всегда⁹.

В этой книге я использую термин «идентичность» в том смысле, который поможет понять, почему она так важна для современной политики. Идентичность вырастает прежде всего из различия между истинным внутренним «я» и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего «я». На протяжении всей истории человечества личности вступали в противоречие со своими обществами. Но только ныне сложилось мнение, что истинное внутреннее «я» имеет естественную, природную ценность, а внешнее общество систематически ошибается и несправедливо его оценивает. Менять необходимо не внутреннее «я», подчиняя его правилам общества, но само общество.

Внутреннее «я» является основой человеческого достоинства, но природа этого достоинства непостоянна, с течением времени она менялась. Во многих ранних культурах достоинством наделялись лишь немногие, часто — воины, готовые рисковать жизнью в бою. В других обществах достоинство является универсальным атрибутом, основанным на внутренней ценности людей, обладающих агентивностью — свободой воли и самостоятельностью. В иных случаях достоинство человека обусловлено его принадлежностью к большой группе людей, объединенных общей памятью и опытом.

Внутреннее чувство собственного достоинства требует признания. Осознания собственной ценности недостаточно, если окружающие не признают ее публично или, что еще хуже, если они унижают меня или игнорируют мое существование. Самоуважение возникает в результате уважения других. Поскольку стремление к признанию заложено

в природе человека, сегодня чувство идентичности быстро превращается в политику идентичности, в рамках которой люди требуют общественного признания своей ценности. Таким образом, существенную часть политических конфликтов современного мира — от демократических революций до новых социальных движений, от национализма и исламизма до политических столкновений в университетских кампусах современной Америки — можно свести к проявлениям политики идентичности. Гегель, заметим, утверждал, что борьба за признание является главной движущей силой человеческой истории, ключом для понимания зарождения современного мира.

И если экономическое неравенство, возникшее в последние пятьдесят с лишним лет глобализации, является главным фактором, объясняющим современную политику, то экономические претензии становятся гораздо более острыми, когда связаны с чувством унижения и неуважения. Действительно, многое из того, что мы понимаем под экономической мотивацией, фактически отражает не просто желание обладать богатствами и ресурсами, а отношение к деньгам как к признаку статуса и престижа; считается, что за деньги можно купить уважение. Современная экономическая теория строится на предположениях о том, что люди являются рациональными индивидами, что все они хотят извлечь наивысшую для себя «пользу», то есть повысить материальное благополучие, и что политика просто продолжение этого поведения, направленного на получение наибольшей выгоды. Однако, если мы стремимся к тому, чтобы верно интерпретировать действия реальных людей в современном мире, мы должны расширить понимание человеческой мотивации за пределы этой простой экономической модели, доминирующей в нынешнем дискурсе. Никто не оспаривает, что люди способны к рациональному поведению или

что они движимы своекорыстными устремлениями к обладанию все бóльшими богатствами и ресурсами. Но человеческая психология гораздо сложнее, чем предполагает эта бесхитростная экономическая модель. Прежде чем мы сможем анализировать современную политику идентичности, нам необходимо сделать шаг назад и выработать более глубокое и совершенное понимание мотивации и поведения человека. Иными словами, нам нужна более качественная теория человеческой души.